

От авторов

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой первый опыт целостного описания русской традиции монашеского имянаречения. До сих пор эта тема становилась предметом рассмотрения лишь в немногих отдельных статьях или же затрагивалась попутно в трудах, посвященных иной проблематике (в частности, при решении сугубо прикладных задач, таких, как идентификация того или иного исторического лица, атрибуция текста и т. п.). Не лучше, а может быть даже и хуже, обстоит дело с изучением монашеских имен на католическом Западе — нам не удалось обнаружить сколько-нибудь исчерпывающих работ в этой области.

Совершенно очевидно, между тем, что вопросы наименования и перемены имени, актуальные для любой культурной традиции, именно в монашеской среде становятся предметом специального осмысления. При этом выбор имени на той или другой стадии монашеского посвящения воспринимается, с одной стороны, как метафизическое обновление личности, своего рода перерождение, с другой же стороны, — как средство соотнесения этой личности с определенным сакральным образцом. Монах, меняющий имя, становится новым человеком (не случайно иноческий постриг настойчиво ассоциируется с крещением) и в то же время все его сущностные изменения протекают в рамках, заданных общей концепцией святости. Иноческое имя в принципе мыслится как провиденциально детерминированное, как проявление Божьего промысла.

Неисчерпаемость материала и ограниченность наших сведений в том, что касается древнерусского периода, делает наш труд принципиально открытым для дополнений и уточнений. Мы надеемся, однако, что структура исследования и обусловленные ею параметры описания могут послужить консолидации исследовательских усилий в этой области.

Несколько замечаний технического характера.

Слова *инок* и *монах*, *иначеский* и *монашеский* и т. п. употребляются в данной книге как полные синонимы (вопреки встречающейся тенденции противопоставить два этих термина).

Даты, относящиеся к русской истории дореволюционного периода всегда указываются по старому стилю.

Многоточие в цитатах, а также текст, взятый в квадратные скобки, всегда принадлежат авторам книги, а не цитируемому источнику. Переводы текстов всегда даются в маровских кавычках (‘’).

В библиографии монашествующие авторы даются не по фамилии, а по имени (например, Евгения Болховитинова следует искать на имя *Евгений*, а не на фамилию *Болховитинов*, и т. п.).

В тех случаях, когда мы не знаем автора цитируемой работы, мы ссылаемся на ее название. При этом название при ссылках всегда оканчивается многоточием (так, например, ссылка «Иерофей..., 1897» отсылает к статье безымянного автора о Иерофее Прилуцком, а не к автору-монаху по имени *Иерофей*).

Авторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить всех тех, кто на разных этапах работы консультировал их по тем или иным вопросам: Татьяну Игоревну Афанасьеву, Михаила Анатольевича Бабкина, Елену Владимировну Белякову, о. Никола Бобкова, Андрея Алексеевича Бульчева, Сергея Григорьевича Вургафта, Артемия Владимировича Кейдана, Марию Константиновну Кузьмину, Андрея Павловича Павлова, Дмитрия Георгиевича Полонского, Анастасию Анатольевну Романову, Ольгу Владимировну Трефилову.

I. Общие предпосылки

1. Хорошо известно, что монахи в православной церкви отказываются от своего имени и получают новое имя: мирское имя (полученное при крещении) меняется на иноческое. Это древний обычай, о котором упоминает уже св. Василий Великий (ок. 330–379). Посылая к матери сына инока с письмом и называя его *Дионисием*, св. Василий прибавляет, что это прежний Диомид (Феофан Говоров, 1892, с. 300; из устава св. Василия Великого о приеме в обитель).

Настоящая работа призвана ответить на вопросы: когда и как у инока менялось имя? на какой стадии духовного совершенствования это происходило? насколько обязательной была перемена имени? каким образом осуществлялся выбор имени? могло ли имя монаха последовательно меняться несколько раз? Мы попытаемся ответить на эти и попутные вопросы, имея в виду главным образом русский материал. В поле нашего рассмотрения входит как Древняя Русь, так и новое время; граница между ними определяется реформами патриарха Никона и его последователей во второй пол. XVII в.

Предварительно необходимо напомнить некоторые общие положения.

2. В православной церкви различаются три разновидности монахов: новоначальные, или *рясофорные*, монахи (они

носят рясу и обычно камилавку)¹, мантийные монахи, принявшие малую схиму или малый иноческий образ (они носят мантию и клобук) и, наконец, великосхимные монахи, принявшие великую схиму или великий иноческий образ (их отличают куколь и нашитые кресты на мантии)². Каждый из этих видов предполагает особое посвящение, которое в принципе сопровождается пострижением.

Соответственно, существуют три вида монашеского пострига (пострижение в рясофор, в малую и в великую схиму), которые мыслятся как ступени духовного совершенствования. Эти три вида пострига представляют собой результат развития единого некогда обряда, который со временем разделился на несколько обрядов, соответствующих последовательным стадиям принятия духовных обетов (см.: Пальмов, 1914; Ваврик,

¹ Слово *рясофор* имеет два значения: 'ношение рясы, означающее степень посвящения' и 'тот, кто носит рясу'. В первом случае это слово не имеет формы множественного числа, во втором случае оно склоняется как одушевленное существительное мужского рода и различается по числу.

В настоящей работе в авторском тексте (не в цитатах!) это слово фигурирует всегда в первом значении.

² Они называются также *схимники*. Вообще, когда говорится о *схиме* без сопутствующего определения, как правило, имеется в виду великая *схима*.

Слово *мантия* может означать не только одежду монаха, но и соответствующую степень посвящения, т. е. малый иноческий образ, малую схиму (говорят: *постричь в мантию, мантийный монах*). Равным образом слово *схима* может означать как степень посвящения (великий иноческий образ, великую схиму), так и облачение великосхимника (см.: Срезневский, III, стлб. 373–374; Горский и Невоструев, III/1, с. 391, № 402). Ср. в требнике XVI в. (ГИМ, Син. 898): «Послѣдованіе малаго вбраза, еже есть мантиа» (л. 299) и «Чин бываемыи велікаго аггельскаго вбраза, еже есть схіма» (л. 310 об.).

Схима, великая или малая, может именоваться *ангельским образом*, будучи противопоставлена при этом рясофору, который никогда так не называется. Иногда *ангельским образом* именуется только великая схима, в отличие от малой.

1968)³. Эта общая трехступенчатая схема на местах может сокращаться (редуцироваться или нивелироваться).

Так, в греческих монастырях в XIX — нач. XX в. не было ни пострига в рясофор, ни пострига в малую схиму, при том что в греческих евхологиях⁴ были представлены все три вида пострига: рясофорных послушников (облеченных в монашескую

³ Если чины пострижения в малую и великую схиму непосредственно связаны друг с другом, т. е. восходят к одному чинопоследованию, то «чин рясофорного иночества сложился не из чина собственно монашеского пострига (как это было с двумя чинами великой и малой схимы), а из благословения новоначальным инокам»; в свою очередь, благословение новоначальным инокам испытало затем влияние со стороны пострига в монашество (Диодор Ларионов, 2013, с. 5; ср.: Пальмов, 1914, с. 87, 313).

Существенно, что при пострижении в рясофор не провозглашаются в церкви монашеские обеты (обеты послушания и отречения от мира), как это делается при пострижении в малую и великую схиму. Сам факт вступления в монастырь трактуется как обещание непорочной жизни.

⁴ Следуя сложившемуся узусу, мы говорим о «евхологии», если речь идет о греческой традиции, но о «служебнике» или «требнике», если речь идет о традиции русской. Понятие «евхологий» (εὐχολόγιον ‘молитвослов’) у греков объединяет понятия «служебник» и «требник»; особого названия для этих богослужебных книг у греков нет. Слово (*но*)*требник* / (*но*)*требник* как название книги отмечается со второй пол. XVI в. (Сл. РЯ XI–XVII вв., XVIII, с. 21; Сл. РЯ XI–XVII вв., XXX, с. 105). Слово *служебник* как название книги впервые, по-видимому, встречается в служебнике митрополита Киприана кон. XIV в., дошедшем до нас в копии кон. XIV — нач. XV в.; ср. запись писца: «Сии служебникъ преписанъ ѿт грецкихъ книгъ на рускыи языкъ рукою своею. Киприанъ смиренны митрополитъ Киевскыи всея Руси» (ГИМ, Син. 601, л. 72, ср. л. 132 об.; Буслаев, 1861, стлб. 135; Сл. РЯ XI–XVII вв., XXV, с. 126; относительно датировки рукописи см.: Соболевский, II, с. 436, 627). Служебник и требник архимандрита Дионисия Зобниновского 1630-х гг. носит характерное название «молитвенный потребникъ» (РГБ, ф. 173.I, № 183, л. 5 об., 10), где определение *молитвенный* передает буквальное значение слова εὐχολόγιον.

При каких обстоятельствах в русской традиции появилось разделение служебника и требника как отдельных книг, нам не ясно.

одежду без пострижения) постригали прямо в великую схиму, минуя малую⁵. В России пострижение в рясофор осуществлялось

⁵ См.: Дмитриевский, 1891–1892, с. 144–146, 173–175; Самуилов, 1905, с. 1786. «В современном Большом греческом евхологии, — писал Дмитриевский, — хотя и содержатся все три чина монашеского пострижения, но в действительности они не имеют никакого практического применения. На всем православном Востоке, не только в патриарших городах: в Константинополе, Дамаске, Александрии и Иерусалиме, но даже в обителях св. Афонской горы, Синая, св. Саввы Освященного и других... деления монахов на три категории или класса не существует. Монастыри Востока знают только докимов (учеников) или рясофоров и совершенных монахов или же великосхимников наших; так называемых манатейных монахов, какими у нас считаются и все иерархи, на Востоке совершенно нет и такого названия там никто не слышит. Что же касается чинов пострижения в монашество, то на Востоке ныне практикуется лишь чин пострижения в великую схиму, который совершается над рясофором спустя три года после поступления их в монастырь, после прохождения ими монашеского искуса... Рясофоры на Востоке значительно отличаются от рясофоров наших русских обителей. Рясофорами обыкновенно делаются на Востоке просто, без всяких религиозных церемоний. Лица, желающие жить в монастыре в этом звании, в киновиях делают метание игумену в его келии, а в идиоритмах — главному проэстосу в синодиконе... Рясофор на Востоке получает право носить рясу, наметку на камилавке и даже мантию, когда он, с благословения игумена, исполняет в монастыре за богослужением роль канонарха, еkkлеcиарха или кандидата. Изредка и в исключительных случаях прочитываются над рясофорами и положенные в евхологии молитвы. Это делается в том, например, случае, когда рясофор, по воле игумена, назначается на послушание вне монастыря... Чтением этих молитв игумен желает как бы закрепить посылаемого рясофорного монаха за монастырем и установить более тесную связь его со своею “метаниею” или обителью» (с. 144–145).

По указанию А. А. Дмитриевского, в кон. XIX в. на Афоне только в русском Пантелеймонове монастыре были все три вида пострига. Вместе с тем ранее дело, по-видимому, обстояло иначе: еще в XVI–XVII вв. в монастыре св. Павла на Афоне был особый постриг как в рясофор, так и в малую схиму. Ср. расспросные речи старца Макария (в миру *Микулы*), киевлянина, взятого в плен в Литве, 1623 г.: «И он шел... в Святую Гору в Павлов монастырь, и того де монастыря игумен Викентей постриг его в церкви в самой Велик день; а на постриганье давали ему евангилье держать и спрашивали: желает ли он иноческого чину? и он сказал, что

не всегда и не везде; и сейчас в одних монастырях постригают в рясофор, в других — нет. Таким образом, для многих монахов первым пострижением оказывалось, как оказывается и сейчас, пострижение в малый иноческий образ (в малую схиму)⁶.

желает иночества; и постригли его в рясу да в комилавку, и ходил де он в том искусе 6 лет, а после того постригся в мантию и в парамант» (РИБ, II, 1875, стлб. 630–631, № 166).

В настоящее время на Афоне в одних монастырях послушников постригают сразу в великую схиму (это соответствует тому, о чем писал А. А. Дмитриевский), в других — сначала в малую, а затем в великую схиму (это соответствует обычной русской практике), в третьих — сначала в рясофор, а потом в великую схиму (см.: Хризостом Кацулиерис, 2002, с. 112, 193). Обычай постригать сразу в великую схиму продолжает или же восстанавливает традицию Феодора Студита (ср. ниже, § IV–7).

⁶ В русских монастырях начиная с синодального периода рясофорных принято называть *иноками*, отказывая им в наименовании *монах*. Словоупотребление это ограничивается монастырской традицией, представляя собой явление, типологически сходное с профессиональным жаргоном. Вне этой традиции слова *инок* и *монах* как в светской, так и в церковной литературе употребляются как синонимы; так же употребляются они и в настоящей работе.

Таким образом, в определенных условиях слова *инок* и *монах* могут противопоставляться по своему значению — при том что в других контекстах они оказываются равнозначными. Это противопоставление основывается, по-видимому, на происхождении слова: слову греческого происхождения (*монах*) приписывается более высокий статус по сравнению с соответствующим славянским словом (*инок*). Следует заметить вместе с тем, что если *монах* представляет собой прямое заимствование из греческого *μοναχός*, то *инок* — это калька с того же греческого слова (Фасмер, II, с. 135); ср. также старосл. **ѣдинакъ* ‘монах’, *ѣдиначьнъ* ‘монашеский’ (Сл. стсл. яз., IV, с. 968–969).

Уникальное противопоставление слов *инок* и *чернец* содержится в Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.). Царь упоминает здесь Василия Собакина, «иже не токмо не ведущ иноческого жития, но ни видяща яко есть чернец не токмо инок еже есть велико» (Иван Грозный, 1951, с. 175). В этой фразе несомненно противопоставляются *инок* и *чернец*, но какое из этих понятий иерархически более значимо, по мысли Грозного, представляется неясным. Я. С. Лурье считает, что

3. В древнейших дошедших до нас русских требниках (XIV в.) предусмотрены два пострижения — в малую и великую схиму. Таковы Шереметевский требник (РГАДА, ф. 188, № 819, л. 1 об.—64 об.), Чудовский требник (ГИМ, Чуд. 5, л. 1 об.—38), требник новгородского Антониева монастыря (РНБ, Соф. 1056, л. 14—48); то же в сербском требнике кон. XIII — нач. XIV в. (РНБ, Гильф. 21, л. 19 об.—37).

В дальнейшем (с XV в.) в русских требниках появляется «Чин бываемый на одеяніе расы (или: рясы)», предшествующий чину принятия малого иноческого образа (т. е. пострижению в малую схиму) и соответствующий тому, что впоследствии именуется на Руси *рясофором*⁷. Облачение в рясу и камилавку

здесь подчеркивается, что инок выше чернеца (Там же, с. 359, 636), однако фраза допускает и прямо противоположное прочтение.

⁷ Слово *рясофор* или *расоносец* как обозначение рясофорного монаха фигурирует в Требнике Петра Могилы (Требник, 1646, II, стлб. 897, 892; см. здесь «Чинъ бываемый на одѣяніе расы и камылавхи» на с. 891—897) и, видимо, появляется в Великой Руси после реформ патриарха Никона — в процессе украинского влияния на великорусскую церковную традицию (см. об этом влиянии ниже, § IV—3, 7). Требник Петра Могилы лег в основу московского издания Требника 1658 г. (см. «ковычный» экземпляр Требника Петра Могилы, правленный московскими справщиками для издания 1658 г. — РГАДА, ф. 1251, № 978). В этом и последующих московских печатных требниках появляется соответствующий чин с названием, обличающим использование киевского издания: «Послѣдованіе во одѣяніе расы и камилавхи» (Требник, 1658, с. 220—220 об.; Требник, 1680, л. 101—101 об.; Требник, 1688, л. 103—103 об.; Требник, 1697, л. 90 об.—91). Однако литургические указания здесь большей частью опущены, и слова *рясофор*, *расоносец* в этих требниках не читаются. По-видимому, они пришли в Великую Русь устным путем, благодаря украинскому духовенству.

Вместе с тем по крайней мере с XVIII в. слово *рясофор* может означать ношение рясы, т. е. относится не к человеку, а к состоянию (степени посвящения). Ср. в «Церковном словаре» Петра Алексея (1773 г.): *расоносец* 'младший монах, который хотя и носит рясу, но не облечен еще в великий ангельский образ', *рясофор* 'ношение рясы монашеской' (П. Алексеев, IV, с. 16).

сопровождается в них пострижением (пострижением в рясофор); таким образом, этот чин знаменует первый этап иноческого посвящения⁸. Еще ранее (с XIV в.) такой чин появляется в требниках сербских⁹. Надо полагать, что появление этого чина на Руси связано со вторым южнославянским влиянием. Он отвечает, по-видимому, греческой практике; соответствующее чинопоследование известно в греческих евхологиях с XIV в. (см.: Пальмов, 1914, с. 87, 308; Ваврик, 1968, с. 241)¹⁰.

Вместе с тем пострижение новоначальных иноков (иначе говоря, пострижение в рясофор) было известно в Византии

⁸ Мы находим его, например, в служебнике и требнике 1474 г. (РГБ, ф. 304.I, № 224, л. 218 об.–220), в требниках XV в. (РГБ, ф. 304.I, № 230, л. 103–104 об.; РГБ, ф. 304.I, № 231, л. 71–77), в требниках нач. XVI в. (РГБ, ф. 113, № 333, л. 47 об.–51; ГИМ, Син. 310, л. 147–147 об.; см.: Горский и Невоструев, III/1, № 377, с. 219), в Требниках XVI в. (РГБ, ф. 304.I, № 232, л. 10–37; РГБ, ф. 304.I, № 234, л. 121–124 об.; РГБ, ф. 304.I, № 235, л. 1–2 об.; РГБ, ф. 304.I, № 236, л. 1–4 об.; ГИМ, Чуд. 54, л. 284 об.–287 об.; ГИМ, Син. 898, л. 286 об.–299), в сборнике XVI в. (ГИМ, Син. 816, л. 38–40; см.: Горский и Невоструев, III/2, № 564, с. 470), в служебнике и требнике Лаврентия, архиепископа Казанского, второй пол. XVI в. (РГБ, ф. 113, № 87, л. 310–313), в служебнике и требнике Дионисия Зобниновского, 1630-х гг. (РГБ, ф. 173.I, № 183, л. 575–577), в требнике XVII в. (ГИМ, Хлуд. 120, л. 94–97 об.; см.: А. Н. Попов, 1872, с. 283), наконец, в московских печатных требниках XVII в. (Требник, 1625, л. 268–271; Требник, 1633, л. 268–271; Требник, 1639, л. 1–4 об.; Требник, 1651, л. 243 об.–246).

⁹ См. сербские требники — кон. XIV в., ГИМ, Хлуд. 118, л. 141 об.–143 (см.: А. Н. Попов, 1872, с. 280); перв. пол. XV в., ГИМ, Син. 324, л. 110 об.–114 об. (см.: Горский и Невоструев, III/1, № 373, с. 161), ГИМ, Син. 307, л. 21–22 об. (см.: Горский и Невоструев, III/1, № 374, с. 164); сербский служебник и требник XV–XVI в., ГИМ, Хлуд. 114, л. 125–126 (см.: А. Н. Попов, 1872, с. 972).

Указание В. А. Мошина на то, что чин одения рясы находится в сербском требнике кон. XIII — нач. XIV в. (РНБ, Гильф. 22, лл. 1–5 об.; см.: Мошин, 1958, с. 412), является ошибочным: здесь представлен не чин одения рясы, а чин пострижения в великую схиму.

¹⁰ См. также об отдельных греческих соответствиях: Дмитриевский, 1882–1883, с. 471; Прилуцкий, 1912, с. 183.

по крайней мере с XII в. (см.: Б. Успенский, 2016, с. 78). Есть основания полагать, что оно практиковалось на Руси до принятия Студийского устава (он был принят между 1062 и 1074 гг.); мы не знаем, сопровождалось ли оно изменением имени (Там же, с. 91–100).

4. В настоящее время перемена имени у монаха непосредственно связана с обрядом пострижения. Так, по-видимому, обстояло дело не всегда.

Согласно Феодору Вальсамону, известному византийскому канонисту (ок. 1040 — ок. 1195), изменение имени могло иметь место при вступлении в монастырь у новоначальных, или рясофорных, монахов (*ῥασοφόροι*), когда на них возлагалась ряса¹¹. Как указывает Вальсамон (в толковании на 5-е правило Двукратного Константинопольского собора 861 г.), облачение в рясу могло происходить в храме при провозглашении Трисвятого¹², причем имя вступающего в монастырь менялось на монашеское:

Τινῶν... εἰσελθόντων εἰς μοναστήρια, καὶ ῥασοφορησάντων, ἴσως καὶ μετὰ τρισαγίου ἐν ναῶ, καὶ μετονομασθέντων, καὶ ἀπλῶς κατὰ μοναχοῦς ἀναστρεφόμενων ἐντός τε καὶ ἐκτός τῆς μονῆς πρὸ... τοῦ τελειωθῆναι διὰ τῆς μοναδικῆς ἀποκάρσεως

¹¹ Вальсамон, насколько известно, впервые называет новоначальных монахов «рясофорными» (*ῥασοφόροι*), ранее они именовались «начальными» (*ἀρχάριοι*) (см.: Пальмов, 1914, с. 308). В названии чинопоследования это слово известно с XIV в. (см.: Ваврик, 1968, с. 238, примеч. 47), а именно, в уставе Святогробской патриаршей библиотеки в Иерусалиме (собр. иерусалимского Крестного монастыря, № 52, л. 299 об. — Дмитриевский, III, с. 191).

¹² О том, что может означать в этом контексте упоминание Трисвятого, см.: А. Н. Павлов, 1897, с. 209 (примеч. 1); Пальмов, 1914, с. 309–310; Ваврик, 1968, с. 236–239 (начало особой службы, когда совершается облачение в рясу, или же часть литургии, во время которой это происходит).

‘Некоторые вступают в монастыри, облакаются в рясу, может быть, даже с Трисвятым в храме, переменяют имя и вообще живут и внутри, и вне обители как монахи... прежде чем принять полное монашеское пострижение’ (Ралис и Потлис, II, с. 665; Минь, СХХХVII, стлб. 1028)¹³.

¹³ Пятое правило Двукратного собора говорит о том, что желающему стать монахом необходимо предварительно пройти трехлетнее испытание в мирском одеянии; в некоторых случаях этот срок может быть сокращен до полугода. Вот что говорит Вальсамон по этому поводу: «...так как некоторые вступают в монастыри, облакаются в рясу, может быть, даже с Трисвятым в храме, переменяют имя и вообще живут и внутри, и вне обители как монахи; но, прежде чем принять полное монашеское пострижение, снимают с себя образ и обращаются в мирскую жизнь, а иногда и сопрягаются законным образом с женами; то некоторые утверждали, что таковые не делают ничего незаконного, но что они имеют право в течение установленного правилом трехлетия выходить из обители без предосуждения, слагать монашеские одежды и надевать мирские; потому что и правило дает предписание о постригаемых ранее трехлетия, а не о тех, которые еще находятся на испытании и суть рясофоры. А другие говорили, что правило называет монашеским образом пострижение; но не предписывает, чтобы испытание совершалось в монашеском одеянии, и не предполагает того, чтобы кто-нибудь бросал это одеяние, надевал мирское и удалялся. Отсюда открывается, что несущий испытание должен нести оное в мирском одеянии; ибо кто однажды облекся в монашеское одеяние, тому не должно быть дозволено сегодня являться перед публикой монахом, а завтра выступать мирянином и как бы шутить, подобно актерам, над святым образом; поэтому правильнее было бы принуждать их к принятию пострижения... Иные же высказывали, что, сделавшись рясофорами с Трисвятым, не должно быть дозволяемо обращаться в мирян; а которые приняли образ без этого, те бесспорно могут в течение трехлетия слагать с себя монашеские одежды и надевать мирские... Таковы были мнения некоторых. А большинство людей более благоговейных думают, что, кто вошел в монастырь и, как бы то ни было, надел черное одеяние и живет подобно монахам, тот не имеет права сделаться опять мирянином; ибо, говорят, ему можно было в течение трехлетия вынести испытание в мирской одежде. А так как он надел монашеское платье, то должен быть вынужден к выполнению своего предположения...» (Прав. поместн. соборов, II, с. 812–813).

Ср. в этой связи в канонических ответах патриарха Луки Хризверга (1157–1169/70): «Некто мирянин пришел в монастырь, желая

После этого, согласно Вальсамону, человек считался монахом, хотя бы он и не был еще пострижен (см.: Де Меестер, 1940, с. 328–329); таким образом, по Вальсамону, уже монашеская одежда делает человека монахом¹⁴. Вальсамон, впрочем, сообщает и о других мнениях по этому поводу.

сожителем с братиею, и надел рясу, при совершении, когда он принимал монашество, только одного “Трисвятого”, но без принятия пострижения. Затем, будучи в раскаянии, он сбросил то, что надел с “Трисвятого”, и снова облачился в свои одежды и отошел, и даже сочетался с женою; таковой может ли когда-нибудь быть принят во священство и остаться без епитимии ему, соответствующей такому деянию?» (Алмазов, 1903, с. 25).

¹⁴ Впоследствии на Руси облачение в иноческую одежду воспринималось именно как посвящение в монашество: считалось, что, кто наденет монашескую одежду, хотя бы и шутя, тот уже постригся (см.: Мельников-Печерский, II, с. 451, примеч.). В нач. XVIII в. у поморских старообрядцев-беспоповцев обряд иноческого посвящения мог сводиться к возложению монашеского платья. По словам П. С. Смирнова, «в поморских скитах... все пострижение состояло в возложении чернеческого платья. Явившиеся в 1721 г. в Приказ церковных дел раскольничьи “старицы” Меланья и Ирина показывали, что когда около 1708 года они поселились в беспоповщинском ските на реке Андоме, то, как не постриженные, были облечены в чернеческое платье матерью их “старицей” Ироидою, по приказу “учителя” их Андрея Денисова. При этом Меланья и Ирина добавили, что “и прочих де как старцов, так и стариц, там не постригают, а возлагают чернеческое платье так же, как и на оных стариц, просто”» (П. Смирнов, 1909а, с. 871).

Любопытен в этом отношении рассказ Савватия Соловецкого об иноке Елисее, который, чувствуя приближение смерти и не имея возможности постричься в великий иноческий образ, накинул на себя схимническое облачение (см. Экскурс I, § 1). Сходным образом Василий III, желая постричься перед смертью в великую схиму, говорит: «Если не дадут меня постричь, то на мертвого положите монашеское платье...» (см. Экскурс I, примеч. 14). В Житии Павла Обнорского рассказывается, что в 1538 г. монахи Комельского Троицкого монастыря, увидев приближающихся конных татар, «начаша на себе схимы налагати» (А. Герд, 2005, с. 129). Во всех этих случаях возложение монашеского платья выступает как символическое пострижение.

В Сказании о начале Киево-Печерского монастыря упоминается юродствовавший инок (Исакий), который собирал детей и возлагал

В другом месте (Послание монаху Феодосию о рясофорных иноках) Вальсамон говорит о том, что настоятели монастырей сразу — без положенного испытательного срока — облачают приходящих к ним в монашеские одежды и переименовывают, после чего уже окончательно постригают в полный монашеский образ:

οἱ σήμερον κατὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην ἡγουμενεύοντες
τοὺς προσερχομένους αὐτοῖς, μηδὲ διημερεύσαντας
σχεδὸν εἰς πολιτεῖαν μοναδικήν, οὐ μόνον ἀποκριματίστως
μετασχηματίζουσι καὶ μετονομάζουσιν, ἀλλὰ καὶ
τελειοποιοῦσι δι' ἀποκάρσεως

‘нынешние настоятели по всему свету тех, кто к ним приходит, хотя они еще и дня не прожили в монастыре, не только необдуманно переодевают и переименовывают, но еще и окончательно принимают в монахи через пострижение’ (Раллис и Потлис, IV, с. 507; Минь, СХХХVIII, стлб. 1376).

Итак, изменение имени при Вальсамоне происходило у новоначальных монахов без предварительного пострижения. В дальнейшем, однако, переименование в рясофоре начинает связываться с пострижением (см. ниже, § III–3).

У нас есть свидетельства того, что изменение имени у новоначальных иноков могло иметь место еще до Вальсамона, а именно, в XI в. Так, Антоний Печерский († 1073 г.) переименовал пришедшего к нему купца по имени *Чернь*, дав ему имя *Исакий*:

на них монашеское платье, за что претерпевал побои как от Никона, так и от родителей этих детей («совъкупи к собѣ оуных, и вкладаше на нь [sic!] порты чернечьскыя» — ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 196; Патерик, 1911, с. 130).

Если в одних случаях облачение в монашеское платье воспринималось как синоним пострижения, то в других случаях оно выступает как начальный обряд посвящения в монашество.

Бѣ бо купецъ родомъ Торопечанинъ и помысли быти мнихъ... И иде к великому Антоню в пещеру, моласа кму, да бы ѿ створилъ черноризцемъ. И пригътъ ѿ Антонии, и възложи на нь порты чернецьскыа, нарекъ има кму Исакии, бѣ бо има кму Чернь (ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 191–192; ср.: Патерик, 1911, с. 128–129).

Надо полагать, что наряду с некалендарным именем *Чернь*, у этого купца было какое-то крестильное имя. Судя по контексту, имя *Исакий* стало его новым, монашеским именем.

Антоний не был священником и не мог, следовательно, постригать в малую или в великую схиму (см.: Б. Успенский, 2016, с. 91–99). Совершенно очевидно, таким образом, что Исакий был именно новоначальным (т. е. рясофорным) иноком.

II. Изменение имени в малой схиме как общая практика

1. Согласно русским и сербским требникам, изменение имени происходило при пострижении в малую схиму; малая схима может именоваться вообще первым монашеским образом (греч. *πρώτο σχήμα*) (см.: Б. Успенский, 2016, с. 85). В этих же требниках описываются пострижение в рясофор и пострижение в великую схиму, но, по-видимому, в этих двух случаях изменение имени как общее правило до сер. XVII в. не предусматривалось (см. ниже, § III, IV).

В некоторых требниках пострижение в малую схиму заканчивается вопросом об имени: после отпуска игумен спрашивает новопостриженного монаха о его имени, и тот ему отвечает, называя при этом свое новое имя. В печатном иноческом Требнике 1639 г. читаем:

Посемъ новопостриженнаго поставит ѿерей на западъ лицѣмъ, идѣже поставлен былъ налой. Таж[е] дасть новопостриженомъ в рѣцѣ Ева[н]г[е]ліе. И приходитъ къ Ева[н]г[е]лію преже игѣмень. И сотворитъ молитвѣ Ис[с]овѣ к новоначалномъ. Новопостриженныи же братъ штвѣщаетъ ко игѣменѣ «аминь». Игѣмень же оу новопостриженаго брата имени воспроситъ, како емѣ има во иноцѣхъ. Новопостриженныи же братъ игѣменѣ има свое скажетъ (Требник, 1639, л. 22)¹.

¹ Ср. в обновленческом требнике священника Василия Адаменко: «...братья по двое подходят к постриженному, целуют его крест и его самого,

На этом служба заканчивается: иерей вручает новопостриженного монаха старцу, и тот отводит его к чудотворцу, «его же храмъ или гробъ», а потом в свою келью. Ничего подобного не происходит ни при облачении в рясу, ни при пострижения в великую схиму²; этот обряд характеризует именно и исключительно принятие малой схимы. Не менее показательны, что чинопоследование пострижения в малую схиму предваряется обычно в московских печатных требниках списком иноческих имен — «Имена калугером» (см., например: Требник, 1624, л. 276–278 об.; Требник, 1625, л. 271–274; Требник, 1633, л. 271 об.–274 об.; Требник, 1636, л. 101 об.–104 об.; Требник, 1651, л. 246 об.–249 об.³; ср. также рукописный служебник и требник Дионисия Зобниновского 1630-х гг. (РГБ, ф. 173.1, 183), л. 577–578 об.)⁴.

спрашивая: «Как твое имя, брат?» Постриженный называет вновь данное ему имя, а каждый из приветствующих братьев кланяется ему и отходит со словами: «Спасайся в ангельском чине» (Адаменко, 1927, с. 188). См. также об этой традиции в современной Русской церкви: Польсков, 2009, с. 389.

² См. соответствующие чинопоследования: Требник, 1639, л. 1–4 об. и л. 23 об.–46 об.

³ В Требнике 1639 г. соответствующая статья под названием «Имена инокумъ і инѡкинамъ...» помещена в конце книги (л. 410–428 об.).

⁴ В московских печатных требниках статья «Имена калугером» присутствует вплоть до никоновского Требника 1658 г., изданного при патриархе Никоне. В этом и последующих требниках второй пол. XVII в. она опущена со ссылкой на то, что подобной статьи нет в требниках греческих; статья эта заменяется статьей «Сословие имен по алфавиту», которая помещается не перед чином пострижения в малую схиму, а в конце требника (приобретая, таким образом, значение общего именованья, не связанного с чином иноческого пострижения). Так, в Требнике 1658 г. в конце последования малой схимы сообщается: «Вѣдомо бѣди и ѡ семъ, такѡ имена здѣ монаховъ на радѣ не положиша са, сѣа ради вины, понеже ихъ в греческихъ нѣсть. вѣденїа же ради всакомѣ здѣ положишася в концеѣ книги» (с. 241); ср. список имен — «Сословіе именъ по алфавитѣ» — в конце Требника на листах, не имеющих пагинации. См. то же: Требник, 1680, л. 110 и 442–453 об.; Требник, 1688, л. 112 и 433–439 об.; Требник, 1697, л. 98 и 382–388.

Аналогичный обряд — вопрошение имени у новопостриженного монаха после принятия малой схимы — представлен и в сербских требниках первой пол. XV в. (ГИМ, Син. 324 и ГИМ, Син. 307 — Горский и Невоструев, III/1, № 373 с. 153 и сл.; Там же, № 374, с. 163 и сл.) с той только разницей, что оно происходит здесь до литургии — сразу после пострижения волос и облачения в монашеские одежды. Ср.:

Потомъ, прїѣмше ꙗго братїа въ діаконикъ, острисають ѿ, поуще «Бл[а]жени непорочны въ пѣт[ь]» [Пс. СХVIII]. Діакон[ь] же гл[агол]ѣтъ[ь] діаконства тр[и]с[ва]т[о]мѣ, потомъ прок[имен] и ап[о]с[то]ль ѿ еу[ан]г[е]ліе. По еу[ан]г[е]ліѣ[и] же прїѣмлять игоумнь еу[ан]г[е]ліе, и приходитъ остриженны братъ и цѣливаекъ к поклонивсе, и прѣдстателѣ [цѣливаекъ]. И потомъ даеть кмоу игоумнь с[ве]тое еу[ан]г[е]ліе и цѣливають с[вя]тое еу[ан]г[е]ліе и брата, гл[агол]юще «Како ти ксть име». Брат же повѣдаеть ꙗко же емоу ксть нареченно име (ГИМ, Син. 324, л. 120–120 об.).

Затем следует литургия⁵. Вообще пострижение в малую схиму может совершаться на литургии или отдельно от нее⁶, в зависимости от этого и определяется то, когда игумен спрашивает новопостриженного монаха о его имени (либо в конце всей

⁵ Аналогично и в другом сербском требнике того же времени (ГИМ, Син. 307, л. 26 об.).

⁶ В Требнике 1639 г. говорится: «В переводѣхъ нашихъ великіа Росїи и малыа согласно писано, и в печатныхъ и в писманныхъ переводѣхъ, еже постриженіе творити во с[ва]тѣи литѣргїи. И сеи же оуставъ їер[оу]с[а]лимскїа и греческїа земли и всѣхъ прежнихъ с[ва]тѣихъ б[о]гоносныхъ ѡт[е]цъ о постриженїи в' книзѣ сей в' потребникѣ иноческомъ неразрѣшено обращеть. Но здѣ оу нас в' величїи Росїи по обычаю семѣ мало творимо обрѣтаеться, еже во с[ва]тѣи литѣргїи постригати. И [е]смы обоє на произволенїе настоятелей положихомъ» (л. 52–53, добавочные листы).

службы, либо в конце данного обряда — пострижения в малую схиму, — но перед литургией).

Рассматриваемый обряд имеет греческое происхождение, ср. в греческих евхологиях XV–XVII вв. (в последовании малой схимы): братия подходят к новопостриженному монаху со словами *Εὐλόγησον, πάτερ, πῶς καλεῖται τὸ ὄνομα σου*; ('Благослови, отче, как зовется твое имя?'), см. евхологии Патмосского монастыря № 691, л. 46 (XV–XVI вв.), Синайской библи. № 975, л. 370–371 об. (XVI в.), монастыря Саввы Освященного № 568, л. 95 об.–118 (XVI–XVII вв.) (Дмитриевский, II, с. 665, 858, 945–946)⁷.

2. В требниках прямо не указывается, когда — в какой момент чинопоследования — меняется имя того, кто принимает малую схиму; однако мы знаем это из церковной практики. Это происходит при пострижении волос, т. е. при пострижении в прямом (буквальном) смысле этого слова, — когда священник, взяв ножницы, крестообразно постригает главу монаха, провозглашая: «Брат наш (имярек) постригает власы главы своея...» (или, соответственно: «Сестра наша...»). В этот момент постригаемый (постригаемая) впервые слышит свое новое имя (см.: К. Никольский, 1907, с. 745–746)⁸. Далее следует облачение в монашеские одежды, где каждый раз (при каждом новом облачении) повторяется новое имя монаха: «Брат наш (имярек) об-

⁷ В евхологии монастыря Саввы Освященного это делается после отпуста, в других евхологиях — после облачения новопостриженного монаха и вручения ему свечи.

⁸ Ср. в воспоминаниях митрополита Евлогия: свое иноческое имя он узнал только во время обряда, когда было провозглашено: «Брат наш Евлогий постригает власы главы своея» (Евлогий Георгиевский, 1947, с. 63; см. ниже, § VII-1).

В обновленческом требнике священника Василия Адаменко говорится: «Настоятель крестообразно постригает волосы на его голове и дает ему новое имя: “Брат наш (имя) постригает волосы головы своей в знак отречения от мира, от всего мирского, от личной воли и от всех плотских влечений — во имя Отца, и Сына, и Святого Духа”» (Адаменко, 1927, с. 181–182).

лачится в ризу веселия...», «Брат наш (имярек) приемлет параманд...» и т. д.

Пострижению волос предшествуют огласительные молитвы, в которых звучат слова «Приими раба твоего (имярек)» (иногда читается одна такая молитва). Они предполагают произнесение прежнего, оставляемого имени⁹.

Противопоставление прежнего и нового имени в обряде монашеского пострижения — древний обычай. В греческих чинах посвящения в монашество прежнее (оставляемое) и новое (принимаемое) имя могли противопоставляться еще отчетливее. Так, в чине пострига в просхиму (Τάξις καὶ ἀκολουθία τοῦ προσχήματος) из схиматология Мессинской библиотеки XI–XII в. (Messanensis, gr. 172, л. 6 об.)¹⁰ при пострижении волос провозглашалось:

Ὁ ἀδελφὸς ἡμῶν ὁ δεῖνα, μετονομαζόμενος ὁ δεῖνα, κείρεται τὴν κόμην τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς...

‘Брат наш, имярек [называется прежнее имя], принявший новое имя, имярек [называется новое имя], постригается власами главы своей во имя Отца, и Сына, и Святого Духа’ (Ваврик, 1968, прилож, с. 49*).

Ср. в ехологии XVI в. Синайской библиотеки № 985 (л. 9) в чине пострижения в рясофор:

Ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ, ὁ δεῖνα, ὁ μετονομαζόμενος οὕτως, κείρεται τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρὸς...

‘Раб Божий, имярек [называется прежнее имя], принявший новое имя, имярек [называется новое имя], постригается власами главы своей во имя Отца, и Сына, и Святого Духа’ (Дмитриевский, II, с. 869).

⁹ В принципе это может быть мирское, крестильное имя или же рясофорное. Ср. ниже, § III–1.

¹⁰ *Просхи́ма* (πρόσχημα) и *протосхи́ма* (πρώτο σχήμα) — наименования малой схимы (см.: Пальмов, 1914, с. 84, 246–247, 312).

Описанная традиция — провозглашение (в первый раз) нового имени монаха во время пострижения волос на его голове — является общей у русских и греков. Вместе с тем у греков существует и другая традиция. В афонских монастырях новое имя впервые называется во время чтения молитвы «Господи Боже наш, достойных быти...» (Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ ἀξιόσους σοῦ εἶναι νομοθετήσας...). Иеромонах, совершающий постриг, прерывает чтение этой молитвы там, где должно быть названо имя монаха. Игумен называет имя, например «Ефрем, монах», постригающий повторяет имя и продолжает чтение молитвы (см.: Хризостом Кацулиерис, 2002, с. 213). Это древнейшая молитва для желающих принять монашество, которая фигурирует уже в Евхологии Барберини второй пол. VIII в. (Евх. Барберини, № 169). Обычно она входит в чинопоследование малой схимы в качестве огласительной молитвы, читаемой перед пострижением волос¹¹. Таким образом, новое имя монаха, по-видимому, провозглашается в этом случае не во время пострижения волос, а перед пострижением.

¹¹ См. об этой молитве: Пальмов, 1914, с. 32–37; Б. Успенский, 2016, с. 87, примеч. 30. В Синайском евхологии она называется молитвой «малого образа» (Син. евх., л. 80 об.).

III. Изменение имени при пострижении в рясофор

1. В настоящее время в Русской православной церкви изменение имени принято не только в малой схиме, но и в других степенях монашества: можно сказать, что имя меняется — или может меняться — при каждом монашеском пострижении.

Так, при пострижении в рясофор мирское имя может меняться на иноческое (это, впрочем, не повсеместная традиция)¹. При переходе в следующую степень монашества имя всякий раз меняется, уже в обязательном порядке — рясофорное имя, если таковое имеется, меняется на мантийное (малого иноческого образа)², мантийное, соответственно, на схимническое (великого иноческого образа). Таким образом, у одного и того же человека

¹ В Русской зарубежной церкви обычно этого не делают, хотя случаются и исключения. По сообщению сестры Вассы Лариной, в Леснинском женском монастыре (в настоящее время находящемся во Франции) при пострижении в рясофор имя не меняют. Леснинский монастырь был основан в 1885 г. в Российской империи, и там сохраняются дореволюционные обычаи. Сестра Васса — рясофорная монахиня, принявшая постриг в Русской зарубежной церкви; при пострижении она получила новое имя, но это, по ее словам, было скорее исключением, чем правилом.

² Если монашеский постриг (в малую схиму) принимается без предварительного пострижения в рясофор, мирское (крестильное) имя меняется на мантийное.